

П. ТИВЧЕВ

ЛЕОНТИЙ МАХЕРА КАК ИСТОРИК КИПРА

У острова Кипра — богатая и интересная средневековая история. Благодаря особому географическому положению на границе между Востоком и Западом этот остров играл огромную экономическую и политическую роль. Расположенный на перекрестке морских путей, Кипр имел исключительное значение в торговле между западными странами и Левантом. В то же время эта греческая земля подвергалась частым нападениям и опустошениям. Ее измученный народ должен был отстаивать с оружием в руках свою свободу и независимость. Кипрское население становилось жертвой пиратских нападений со стороны арабов и турок, которые грабили богатый остров, оставляя после себя смерть и разрушение. Их корабли, нагруженные добычей, увозили и многочисленных пленников, продававшихся потом на рабских рынках Востока.

В столкновении между Востоком и Западом, между исламом и христианством острову Кипру выпала особая роль. В результате крестовых походов в нем утвердилась династия Лузиньянов (1192 г.), господство которой длилось несколько столетий. Так кипрские греки очутились под властью западных, латинских феодалов, которые эксплуатировали их самым жестоким образом. Вплоть до перехода под власть османских турок (1571 г.) кипрское население страдало не только от латинского владычества, но и от алчности генуэзцев и венецианцев, которые грабили остров.

Главным источником по истории Кипрского королевства с конца XII до середины XV в. (точнее — с 1190 по 1432 г.) служит «Кипрская хроника», Ἐξήγησις τῆς γλυκείας χάρας Κύπρου ἢ ποία λέγεται Κρόναχα, τούτέστιν Χρονικόν.

В первой части ее сжато повествуется об истории Кипрского королевства до начала правления короля Петра I (1359—1369). Более подробно изложены события с 1359 до 1432 г. В конце добавлена еще одна часть, которая включает события до 1458 г. Это сделано, вероятно, неизвестным позднейшим переписчиком¹.

¹ О Леонтии Махере и его хронике см. следующую литературу: К. Σάθας. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη II. Ἐν Βενετία, 1873; К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897², S. 900—903; R. M. Dawkins. Notes on the Vocabulary of the Cypriote Chronicle of Leontios Makhairas.— BNJb, 3, 1922, p. 137—155; *idem*. On a Hagiographical Source used by Leontios Makhairas.— «Κυπριακά Χρονικά», 9, 1935, p. 10—23; *idem*. The Nature of the Cypriot Chronicle of Leontios Makhairas. The Taylorian Lecture. 1945. Oxford, 1945; Α. Πάλλης. Τὸ χρονικὸν τοῦ Λεοντίου Μαχαιρᾶ.— «Κυπριακά Γράμματα», 13, 1948, σ. 355—365; Κ. Σπυριδάκης. Κυπριακά τοπωνύμια παρὰ Λεοντίῳ Μαχαιρᾶ.— ΕΕΒΣ, 23, 1953, σ. 168—192; Φ. Μιχαλόπουλος. Λεόντιος Μαχαιρᾶς.— «Φιλολογικὴ Πρωτοχρονιά», 1954, σ. 87—91; Ν. Λανίτης. Λεόντιος Μαχαιρᾶς.— «Κυπριακά Γράμματα», 14, 1949, σ. 50—57; Ε. Κριαρᾶς. Ἐνα νέο χειρόγραφο τοῦ χρονικοῦ τοῦ Λεοντίου Μαχαιρᾶ.— «Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς τῆς φιλοσοφικῆς Σχολῆς Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης», 7, 1956, σ. 43—47; Κ. Π. Κύρρης. Κυπριακά ἀγιολογικά καὶ μοναστηριακά

О жизни Леонтия Махеры известно сравнительно мало и то преимущественно благодаря сведениям, которые он сам сообщает о себе и своем семействе в «Кипрской хронике». Он жил во второй половине XIV в. (родился, вероятно, около 1380 г.)² и первой половине XV в. Точная дата его рождения и смерти неизвестна. Он был кипрским греком, представителем рода Махера, который принимал активное участие в политической жизни Кипрского королевства. По всей вероятности, члены этого рода, как и многие другие местные греческие феодалы, перешли на службу к новым, латинским хозяевам. Леонтий Махера и его родственники находились в тесных связях с правившей на острове французской династией Лузиньянов.

Ставринос Махера, его отец, был весьма уважаемым священником, близким ко двору; после смерти короля Петра II (1382) ему предложили перед советом аристократии высказать свое мнение о том, кого следует избрать королем Кипра. Ставринос Махера сказал, что королем не может быть избран кто-либо иной, кроме Жака Лузиньяна, конетабля Кипра, и этим повлиял на решение совета³.

Павел Махера был королевским чиновником и в качестве сопровождающего ездил выполнять королевское поручение в 1360 г.⁴ То же самое имя упоминается и при обороне крепости Кирении во время осады ее генуэзцами. Этот Павел Махера служил у конетабля Жака Лузиньяна. Будучи хорошим бойцом, конетабль дал свое оружие Павлу Махере и послал его вместе с еще одним рыцарем на единоборство с генуэзцами, но последние от этого отказались⁵.

По всей вероятности, Павел Махера был братом Леонтия, хотя хронист об этом точно не пишет. О Павле Махере сообщается в 1382 г., что он являлся секретарем сира Жана де Невиля, виконта города Левкозии⁶.

Старший брат Леонтия, Николай Махера, также участвовал при защите Кирении в войне с генуэзцами в 1373—1374 гг. Он отличился как прекрасный стрелок из лука, и его меткими стрелами было убито и ранено много генуэзцев⁷.

Леонтий Махера сообщает еще об одном своем брате, Петре Махере, который был королевским служителем (*ρηγατικὸν βασιλιώτην*). В 1427 г. его послали вместе с другими латинскими феодалами подавлять крестьянское восстание, которое вспыхнуло на острове. Возглавлял восставших парик Алексей, которого провозгласили крестьянским королем. Петр Махера вместе с латинскими аристократами Бадином де Норесом и Генрихом де Жибле выступили с войском и заняли Левкозию. После этого Генрих де Жибле вместе с Петром Махерой направился в Лемесо и подавил восстание⁸.

Когда в 1402 г. был организован заговор в Фамагусте с целью убить генуэзского коменданта, а город сдать кипрскому королю, в этой операции

μελετήματα. — «Ἐταιρεία Κυπριακῶν Σπουδῶν» 27, 1963, σ. 181—222; *M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. I. Storie profane. Napoli, 1956, p. 72—73; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, Berlin, 1958², S. 409—410; Κ. Π. Κύρρης. Τὸ πραγματικὸν νόημα ἑνὸς χωρίου τοῦ Ἀεοντίου Μαχαίρα. — «Ἐταιρεία Κυπριακῶν Σπουδῶν», 27, 1963, σ. 225—235; E. Miller — C. Sathas. Ἀεοντίου Μαχαίρα Χρονικὸν Κύπρου. Paris, 1882, I (Publications de L'Ecole des langues orientales vivantes, IIe série, vol. II. Chronique de Chypre, text grec, 1). Критическое издание: *Leonlios Makhairas. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus entitled Chronicle. Edited with a Translation and Notes by R. M. Dawkins, I—II. Oxford, 1932.**

² Ср. *R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle...*, p. 3.

³ См. *L. Makhairas. Op. cit.*, I, p. 598.16—25.

⁴ *Ibid.*, p. 96.23—27.

⁵ См. *ibid.*, 486.37—488.8.

⁶ См. *ibid.*, p. 602, 24—31.

⁷ См. *ibid.*, p. 458.19—31; 482.4—31.

⁸ *Ibid.*, p. 674, 1—21 ср. *П. Тивчев. Страници от социалната история на Кипър през XIV—XV в. — «Исторически преглед», XXVII, 1971, кн. 5, стр. 38—41.*

участвовал и Петр Махера. О себе хронист пишет, что он был секретарем Жана де Нореса. Леонтий Махера был вместе с тем и его приятелем. Однако попытка киприотов вернуть оккупированный генуэзцами город из-за предательства потерпела неудачу, и Жан де Норес помог Петру Махере выбраться из Фамагусты⁹.

Под 1401 г. в хронике сообщается о приезде маршала Бусико и о приеме, который ему оказал Георгий Били, регент Кипра. Леонтий Махера называет его своим двоюродным братом¹⁰.

В 1426 г. Леонтий Махера принимал участие в битве против мамлюков, которые вторглись на Кипр. Королевское войско было плохо снабжено. В лагере при Хирокитии не оказалось необходимого количества хлеба и вина. Вместе с Бадином де Норесом Леонтий Махера в качестве его секретаря был послан туда, чтобы доставить армии вино¹¹. О том, принял ли наш автор непосредственное участие в сражении, в котором королевское войско потерпело жестокое поражение от мамлюков, а кипрский король попал в плен, в хронике не сообщается.

В 1432 г. новый король Жан II (1432—1458) направил Леонтия Махера к туркам в Конию (Иконий), к их властителю Ибрахиму-беку из династии Караманов¹².

Кроме родного языка, Леонтий Махера хорошо знал и французский¹³. Как он пишет, до того как латиняне захватили Кипр и обосновались на нем, на острове было два естественных его хозяина: светский — константинопольский император и духовный — патриарх в великой Антиохии. Поэтому киприотам было необходимо хорошо знать греческий язык, чтобы посылать письма императору, и сирийский, — чтобы обращаться к патриарху. И дети киприотов учили оба языка. После установления господства Лузиньянов киприоты начали учить французский и варваризированный греческий языки^{13а}. В своей хронике, как мы увидим, Леонтий Махера употребляет много французских слов.

* * *

«Кипрская хроника» представляет собой объемистое сочинение, охватывающее большой период времени и насыщенное богатым фактическим материалом. Надо еще иметь в виду сжатую форму изложения этого материала. Если бы Леонтий Махера дал более развернутое повествование, то объем хроники возрос бы в несколько раз.

Естественно, что внимание автора привлекают прежде всего политические и церковно-религиозные события. Но наряду с этим хроника содержит сведения по социально-экономической истории, данные о демографических переменах на острове, о стихийных бедствиях и др.

Хроника начинается с упоминания о фактах времени императора Константина Великого. Автор рассказывает, как мать императора Елена по пути к «гробу господню» заехала на остров. По ее распоряжению на холме

⁹ См. *L. Makhairas*. Op. cit. I, p. 616.10—618.24.

¹⁰ Ibid., p. 618.32—620.4.

¹¹ Ibid., p. 658.10—26.

¹² *R. M. Dawkins*. The Nature of the Cypriot Chronicle..., p. 3.

¹³ О том, что Леонтий Махера хорошо знал французский язык, сообщает и Берtrandон де ла Брокьер, который встречался с ним в г. Ларенде (Малая Азия) у турок (ср. *M. L. De Mas Latrie*. Histoire de l'île de Chypre. III. Paris, 1855, p. 3; *H. Krumbacher*. Op. cit., S. 900). «В Ларенде, — пишет он, — оказался один аристократ с Кипра по имени Лиакин Кастрисио и другой — Леон Маршерас. И оба достаточно хорошо говорили по-французски... Тогда я их спросил, куда они направляются. Они мне ответили, что кипрский король, недавно умерший, всегда жил в мире с великим Караманом, к которому молодой король и его совет их послали, чтобы возобновить и подтвердить существующий договор». Ср. *Берtrandон де ла Брокьер*. Задморско путешествие. София, 1968, стр. 59.

^{13а} *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 142.1—13.

Олимпия был построен великолепный храм. Затем прослеживается история Кипра в византийский период, сообщается о нападениях арабов и об обороне острова византийским флотом и войском, об административном устройстве Кипра (от византийского императора посылались дука за налогами, которые кипрское население платило царьградскому правительству), об образовании Иерусалимского королевства во главе с Готфридом Бульонским, об утверждении на острове рыцарей ордена тамплиеров, прибытии Ги де Лузиньяна в качестве владетеля Кипра (1192 г.). По его приглашению на Кипр приехало много феодалов из Франции, Англии и Каталонии (вместе с их женами и детьми), получивших земли и привилегии. На Кипре поселилось и много сирийцев, которым были даны торговые привилегии.

Дальше в хронике говорится о Гуго де Лузиньяне и других владетелях Кипра до 1358 г. Описание событий носит обзорный характер. Ценные сведения приводятся об организации государственного управления на Кипре, о распределении феодалов и доходов с них, о феодальном законодательстве и праве (ассизы), о церковном устройстве (усилении католической церкви и ограничении прав и экономической мощи православного духовенства), о строительстве церквей и монастырей, о церковной десятинах и т. д. Приводится список различных должностей и титулов, которые существовали в Кипрском королевстве.

Книга вторая посвящена правлению короля Петра I (1359—1369). Здесь уже автор подробно останавливается на важнейших политических событиях и наиболее значительных мероприятиях во внутренней жизни государства. Кипрское королевство в этот период предстает уже как окрепшее государство, которое ведет активную внешнюю политику и добивается успехов в борьбе с турками и арабами. Король развивает оживленную дипломатическую деятельность, укрепляет связи с западными государствами, привлекает союзников и наемников для борьбы против турецких эмиратов, у которых отбирает несколько крепостей (гор. Атталию и др.), дает вассальную клятву папе, договаривается об отношениях с торговыми городами-республиками Венецией, Генуей и т. д.

Кипрский флот совершил успешное нападение на Александрию (1365 г.), что вызвало оживление на Западе и обещания прислать подкрепления флотом и войском для борьбы с арабами. Был подготовлен и поход против Бейрута, но из-за вмешательства венецианцев, торговые интересы которых оказались задетыми, поход был отложен. Предприняты были и новые нападения на Сирию. В книге подробно рассказывается о дипломатических связях и отношениях между Кипром и Каирским султаном, о непрерывных обменах посольствами, о переговорах с Генуей, Венецией, папой и т. п.

Ценные сведения приводятся и о внутреннем состоянии королевства, об экономическом подъеме некоторых городов на Кипре (Фамагуста), которые развивали деятельные торговые отношения с Сирией, в результате чего были накоплены баснословные богатства. Представляют интерес и данные о торговле Венеции и Генуи с Левантом, о соперничестве между этими двумя сильными итальянскими республиками, что отразилось впоследствии и на Кипрском королевстве, об участии каталанов в торговле с Сирией. Достаточно места уделено и борьбе внутри господствующего класса, недовольству феодалов политикой короля, феодальной иерархии, правам короля и баронов, сюзеренитету и вассалитету в королевстве и т. п. В то время папа предпринял попытку обратить в католичество духовенство и население Кипра. Имеются сведения и о налогах, платившихся в царствование Петра I. Книга эта завершается сообщением о заговоре против короля Петра I и его убийстве.

Третья книга посвящена правлению Петра II (1369—1382). Поскольку король был малолетним, сначала было установлено регентство. Враждебные действия против турок и арабов возобновились после того, как пере-

говоры о мире не дали результатов. Не без труда в 1370 г. был заключен мирный договор с Каирским султаном, в переговорах с которым участвовали и генуэзцы, и венецианцы. Со стороны турок была предпринята неудачная попытка вернуть Атталию.

Когда Петру II исполнилось 15 лет, он начал править самостоятельно (коронация его королем Кипра произошла в январе 1372 г., а королем Иерусалима — в октябре того же года). Король принес клятву баронам и греческим аристократам. Те со своей стороны дали клятву согласно обычаю. Были составлены новые ассизы. Во время пира по случаю коронации Петра II произошли столкновения между генуэзцами и венецианцами, в результате которых были убитые и раненые. Недовольное население Фамагусты напало на генуэзцев и начало грабить их склады, магазины и дома. Несколько генуэзцев было убито. Этот инцидент дал повод к войне между Генуей и Кипрским королевством в 1373 г.

В хронике подробно описываются переговоры между Генуей и Кипром, попытки их примирения со стороны папы, подготовка войны в Генуе, высылка военных кораблей и войска против острова. Детально прослежены военные действия между двумя враждебными сторонами. Леонтий Махера раскрывает тяжелую обстановку, создавшуюся в королевстве после нападения генуэзского флота. Киприоты были вынуждены в целях более успешной обороны острова отказаться от своих завоеваний у турок и отвести войска из Атталии. В военные действия включились рабы и парики, которых привлекло то, что генуэзцы обещали им свободу. Среди них было и много болгар. Позднее они активно участвовали в обороне острова на стороне Кипрского королевства. Генуэзцам удалось захватить Фамагусту, Левкозию и другие селения, но они встретили упорное сопротивление крепости Кирении. Несмотря на продолжительную осаду, генуэзские войска не могли овладеть этой важной кипрской твердыней, храбро обороняемой ее защитниками, среди которых было и много болгар.

Продолжительная война между Генуей и Кипром закончилась неудачно для королевства. Хотя генуэзцам не удалось завладеть всем островом и одержать решительную военную победу и хотя они понесли чувствительные потери, все же они награбили много добычи и получили, кроме того, огромную военную контрибуцию. В качестве гарантии выплаты контрибуции они оккупировали Фамагусту, в которой разместился сильный генуэзский гарнизон.

Во время военного конфликта между Генуей и Кипром среди сельского населения вспыхнуло восстание, для усмирения которого был послан специальный военный отряд.

Проследивая ход событий, Леонтий Махера одновременно предпринимает попытку объяснить их причину, определить вину и заслуги короля, матери короля Элеоноры, конетабля Жака Лузиньяна и других кипрских аристократов.

Леонтий Махера рассказывает далее о предательском избиении болгар, которые оказались жертвой борьбы между королевой Элеонорой и антиохийским принцем Жаном Лузиньяном, о прибытии новых наемных воинов на остров, о борьбе между Генуей и Венецией и т. д. Уделено внимание и строительной деятельности Петра I.

Книга четвертая посвящена правлению Жака I Лузиньяна (1382—1398). После смерти Петра II он был избран королем и проявил себя как храбрый и последовательный защитник острова от генуэзцев. Он вернулся из Генуи, где находился в заключении, и после некоторой борьбы занял престол. Зато, что его освободили генуэзцы, он заключил с ними выгодный для них мирный договор, дав им серьезные привилегии. Для освобождения же сына ему необходимо было заплатить огромный выкуп. Поэтому он сильно увеличил налоговое бремя. Страницы, где описывается правление Жака Лузиньяна, полны сетований на рост налогов и ухудшение по-

ложения народа, которое еще усугублялось эпидемией, нашествием саранчи, засухой и другими стихийными бедствиями.

В пятой книге отображено царствование короля Януса (1398—1432). В этот период были предприняты новые, но безуспешные попытки занять Фамагусту и изгнать оттуда генуэзцев. Война с генуэзцами длилась с 1403 по 1406 г. Она потребовала нового напряжения сил, в связи с чем усилился фискальный гнет.

Продолжительные войны вело Кипрское королевство и с арабами. Пиратские нападения с обеих сторон постоянно происходили в 1404—1414 гг. Наконец, в 1414 г. с Каиром был заключен мирный договор. Но независимо от договора некоторые аристократы продолжали поощрять нападения на Сирию. Это вызвало недовольство каирского властителя, который организовал несколько крупных военных походов против острова (1424 и 1425 гг.). Арабы сожгли ряд селений и увезли большое число пленных.

Леонтий Махера подробно рассказывает об арабском походе 1426 г. Каирский султан ал-Мелик ал-Ашраф Барсбай (1421—1438 гг.) подготовил флот из 150 военных кораблей и трехтысячную армию. На Кипр высадились 500 мамлюков, 2000 турок и 600 арабов. Королевское войско было разбито в битве при Хирокитии, и король Янус попал в плен. Затем арабы направились к столице Кипра — Левкозии и по пути сожгли и опустошили ряд поместий и сел. В столицу они вошли без боя и разграбили королевский дворец, церкви и монастыри. Предав огню много зданий, они вернулись на корабли с огромной добычей и многочисленными пленниками.

Королевская власть была серьезно расшатана. Леонтий Махера отмечает, что отдельные аристократы попытались захватить престол. В 1426 г. вспыхнуло мощное крестьянское восстание, руководимое париком Алексеем, которое продолжалось до мая 1427 г. Оно было жестоко подавлено феодальной аристократией.

После заключения мирного договора с султаном король Янус вернулся на Кипр.

В этой части хроники говорится и о строительной деятельности Януса, при котором было сооружено много дворцов и крепостей.

Последняя, шестая книга, повествующая о правлении короля Жана II (1432—1458), является короткой и схематичной. В ней в хронологической последовательности упомянуты только самые важные события на Кипре: провозглашение сына короля Януса, Жана, королем Кипра, избрание нового королевского совета и назначение высших должностных лиц, женитьба короля. После смерти королевы Жан II женился на Елене Палеолог, дочери целопоннесского деспота. Леонтий Махера сообщает, что, когда турки захватили Царьград в 1453 г., на Кипре нашли убежище многие византийские аристократы и монахи, о которых весьма заботилась королева. Наряду с описанием дворцовой жизни Леонтий Махера, как и в других книгах, приводит сведения об эпидемии, саранче и других бедствиях, которые постигли остров.

Итак, «Кипрская хроника» весьма разнородна по характеру изложения: иногда она рассказывает подробно о событиях, а иногда — скупой схематично. Наиболее исчерпывающе и детально описаны события, современником которых автор был сам или принимал в них непосредственное участие. При описании более отдаленных событий он зависел от своих источников. И здесь возникает вопрос, какими источниками пользовался Леонтий Махера?

* * *

Как и большинство средневековых летописей, «Кипрская хроника» отнюдь не оригинальна и в значительной части представляет собой компилятивное сочинение, созданное на основе более ранних летописей. По всей

вероятности, материал до 1359 г. почерпнут из старых сочинений. Сведения, относящиеся к более позднему времени, автор брал из сообщений очевидцев или исходил из собственных наблюдений¹⁴.

Леонтий Махера часто замечает, что о том или ином событии он нашел материал в сочинении, хранящемся во дворце, или ссылается на какого-нибудь автора, писавшего до него. Например, когда он начинает рассказ о правлении Петра I, то говорит: «И другое нашел записанным (*καὶ ἀλλοῦ ἡῶρα γραμμένον*), что после смерти короля Гуго королем был коронован Петр I 24 ноября 1359 г. рукою ф^{ра} Ги де Жибле, епископа Лемесо, брата господаря Арсуфа, в св. Софии...»¹⁵

Или, когда он говорит о переходе находившейся под угрозой турок армянской крепости Горигос под власть короля Петра I, то сообщает, что нашел сведения об этом во дворце: «Теперь необходимо вам рассказать, как была сдана крепость Горигос вместе с островком под власть короля Петра, как я нашел это записанным в королевском дворце...» (*καθὼς τὸ ἡῶρα γραμμένον εἰς τὴν ἀλλήν τὴν ρηγάτικον*)¹⁶.

К этому добавлено, что «крепостная стена Горигоса и основания башен видны и сей день»¹⁷.

Перейдя под власть Кипрского королевства, крепость Горигос получала помощь и защиту от турок. «С тех пор по сей день», — пишет Леонтий Махера, — «короли и правители Кипра каждый год отправляют два корабля с жалованьем, пищевыми припасами и оружием для горигиотов. Они воевали повседневно с турками и благодаря божьей помощи и чудотворной иконе Богородицы Горигиотиссы охраняли крепость от турок»¹⁸.

Рассказывая историю о большом кресте, который был оставлен Еленой, матерью императора Константина Великого, в церкви на Олимпии, Леонтий Махера добавляет, что он не пострадал, когда арабы сожгли церковь. Это случилось в 1426 г., когда арабы взяли в плен короля Януса¹⁹.

Леонтий Махера сообщает о различных высших титулах и сановниках в королевстве в ранний период истории Кипра и об изменениях, которые были произведены. Он пишет, что король сменил титул «графа», дававшийся первородному королевскому сыну, на титул «принца». Это было сделано Жаком Лузиньяном, «о котором я еще расскажу, когда до него дойдет время». Он дал своему сыну Янусу, который был назван так, поскольку родился в Генуе, титул «принца», а титул «графа» дал сыну своего брата»²⁰.

Для нас важно в данном случае, что автор хроники касается событий более позднего времени. Замечания такого рода как «до сих пор», «с тех пор до этого времени» и др., вставляемые Леонтием Махерой при описании более отдаленного периода, показывают, что он хорошо обработал источники, из которых брал сведения, а не включал их механически в хронику. Это относится и к добавлениям событий позднейшего времени, современником которых был уже сам автор. Повествуя о ранней истории Кипра, Леонтий Махера такими добавлениями обогащал свое изложение и придавал ему более живой характер. По-видимому, он располагал дворцовыми летописями, которые умело использовал, и сделал свое изложение в каком-то смысле более современным, уместно вставляя замечания о более поздних случаях и событиях.

¹⁴ См. *K. Krumbacher*. Op. cit., S. 900—901; *Gy. Moravcsik*. *Byzantinoturcica*, I, p. 409.

¹⁵ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 80. 1—5.

¹⁶ *Ibid.*, p. 98.3—6.

¹⁷ *Ibid.*, 97.14—16.

¹⁸ *Ibid.*, p. 100. 23—29.

¹⁹ *Ibid.*, p. 62.17—22.

²⁰ *Ibid.*, p. 86.26—36.

В Кипрской хронике существуют и указания на то, что ее автор использовал в качестве источника другие сочинения. Так, он перечисляет имена кипрских аристократов, которых взяли в плен и посадили в тюрьму в Генуе после войны 1373—1374 гг. Они попытались бежать из заключения, но были преданы сиром Хамерином ле Моаном, и генуэзцы стали охранять их еще более бдительно, «Об этом рассказано в книге, которую написал сир Жан де Мимарс», — пишет Леонтий Махера²¹.

Леонтий Махера привлек и много документов, так как, вероятно, в его распоряжении находились дворцовые архивы. Некоторые документы приводятся целиком. Например, он пишет, что между королем Петром I и генуэзцами был заключен письменный договор, состоявший из 20 пунктов. Соглашение было написано на латинском языке на пергамене. В хронике цитируются все клаузулы договора²². Очевидно, автор переписал этот договор, который сохранялся в королевском дворце, дословно.

В хронике цитируются документы, письма различных властителей или речи их посланцев, в которых делаются предложения о мирном договоре, официальные распоряжения короля важным государственным чиновникам, воззвания от имени короля, письма членов королевской семьи и др.²³ Леонтий Махера даже процитировал письмо Жана Висконти к королю Петру I от 13 декабря 1368 г., в котором тот сообщает о любовных связях королевы с Жаном де Морфу, графом Руха. По всей вероятности, Леонтий Махера имел на руках полную документацию, связанную с расследованием этого дела и разбором его в королевском совете. Расследование завершилось осуждением Висконти на смертную казнь²⁴.

Весьма возможно, что некоторые из цитированных речей вымышлены или переданы довольно свободно — для большей живости изложения. Однако в основном это, очевидно, документы, которые Леонтий Махера действительно использовал. То, что некоторые из них перефразированы, не умаляет их исторической ценности.

Леонтий Махера использовал устную информацию участников событий, но иногда получал ее и из вторых рук²⁵. Наш автор тщательно собирал и рассказы очевидцев. Например, он, по всей вероятности, расспросил многих людей, чтобы точно узнать, каким образом произошло пленение короля Януса арабами при Хирокитии в 1426 г. Это было исключительно важное событие, которое волновало не только Леонтия Махеру, но и его современников. Чтобы придать ему наибольшую достоверность, он специально отмечает: «как мне рассказал конетабль Кипра» (ὡς γοῖόν μοῦ τὸ εἶπεν ὁ κοντοσταύλης τῆς Κύπρου)²⁶.

О других случаях и событиях он также отмечает, что получил сведения от лиц, которые были их очевидцами: «Это мне сообщила Мария, теща Георгия Нузи Калугера, сокольника сира Генриха де Жибле в селе Галатон..., который об этом знает»²⁷; или: «Как я узнал от госпожи Луизы, матери Иоанна Готвачи, кормилицы дочери сира Симона Антиохийского. Она была крепостная крестьянка (παροίκισσα) графа Руха и была осведомлена в общих чертах о деле...»²⁸.

Оба раза речь идет о фактах из интимной жизни королевского семейства, о которых, естественно, прислуга лиц, близких по двору, была достаточно хорошо осведомлена.

²¹ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 544. 12—28.

²² *Ibid.*, p. 134. 13—138. 38.

²³ См., например, *ibid.*, p. 230. 18—232. 4, 256. 18—258. 15, 406. 30—408. 27, 476. 21—480. 19, 506. 21—508. 9, 508. 10—24, 508. 25—31, 508. 32—510. 13, 520. 25—522. 14.

²⁴ *Ibid.*, p. 220. 17—222. 6.

²⁵ *R. M. Dawkins*. The Nature of the Cypriot Chronicle..., p. 16—17.

²⁶ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 664. 7.

²⁷ *Ibid.*, p. 218. 17—24.

²⁸ *Ibid.*, p. 228. 9—14.

Будучи современником многих событий, Леонтий Махера являлся их свидетелем или участником. Например, о десятине, наложенной в 1393 г., в царствование Жака I Лузиньяна, он замечает как очевидец, что «ее платят по сей день»²⁹. В связи с увеличением в 1403—1406 гг. налогов и повинностей Леонтий Махера пишет: «Об этом я рассказываю вкратце, потому что если бы я стал рассказывать, как это произошло, для меня было бы очень тяжело об этом писать, а для вас — об этом узнать»³⁰.

Леонтий Махера иногда категорически подчеркивает, что то, о чем рассказывает, он «видел своими глазами»³¹. Таким образом, ясно, что для написания хроники он использовал самые различные источники.

* * *

Не лишены интереса и классовые воззрения Леонтия Махеры. Как уже отмечалось, семья Махеры была связана с династией Лузиньянов и многие ее представители находились на службе при королевском дворе. Некоторые из них, подобно Павлу Махере и самому Леонтию, как люди образованные, служили у придворных сановников. Они получали доходы и содержание благодаря королю и аристократии, что в значительной степени определяло их отношение к ним. Некоторые представители семьи Махеры занимали и более высокое положение. Например, старшего брата Николая Махеру Леонтий называет сиром. Это можно рассматривать как дань известного уважения к старшему брату, но не исключено, что так Леонтий подчеркивает социальное положение Николая Махеры. Надо сказать, что сам хронист чувствует себя аристократом, человеком, который возвращается в привилегированной среде, и исполнен сознания превосходства над обыкновенными людьми.

Однако его отношение к королю и аристократии различно. Оценкам поступков короля Леонтий Махера уделяет немало внимания. Иногда ясно видна тенденция оправдать любые действия короля. Автор не упускает случая выразить свое восхищение деятельностью верховного правителя, особенно Петра I, которого он называет «великим королем». Короля Януса он награждает эпитетами: мудрый, сильный, красивый и добрый³². Если же автор чем-то недоволен и не находит места для похвалы, тон его становится более нейтральным, а оценки — более объективными. Во всяком случае можно отметить, что нигде Леонтий Махера не позволяет себе прямых нападок на королевскую власть. Возможно, такому отношению способствовала византийская традиция и византийское понимание божественного характера царской власти. Леонтию Махере было трудно усвоить, что кипрский король занимал среди феодалов положение «первого среди равных», что совершенно не соответствовало византийским представлениям о неограниченной власти государя. Вот почему Леонтий Махера с возмущением говорит, что латинские аристократы убили своего короля, как какого-то поросенка³³. Особенное внимание обращает он на то, что совет ограничивал полноту власти короля³⁴.

Леонтий Махера косвенно критикует официальную власть, не одобряя ее фискальную политику, но все же и для нее он находит оправдание:

²⁹ Ibid., p. 610.18—23.

³⁰ Ibid., p. 620. 6—19.

³¹ Это сказано по следующему поводу: описав богатства двух братьев, крупных торговцев из Фамагусты, он сообщает, что один из них имел двух сыновей. После его смерти они впали в неопишемую бедность — один его сын убил какого-то человека в Фамагусте и после этого нашел приют в больнице в Левкозии. Другой его сын торговал, также стал бедным, скитался по деревням, а потом ушел к брату. Об обоих Леонтий Махера говорит, что видел их своими глазами (καὶ εἶδα τὸν μὲ τὰ ῥματῖα μου... καὶ εἶδα καὶ κείνον). См. *L. Makhairas*. Op. cit., I. p. 86. 17—26.

³² См. *ibid.*, p. 678.20—30.

³³ Ibid., p. 464.29—30, 466.2—3.

³⁴ Ibid., p. 678, 24—25.

Жак I Лузиньян, например, должен был выкупить своего сына у генуэзцев, а король Янус обложил население тяжелыми налогами в связи с войной, которую он вел против генуэзцев, арабов и т. п.

Леонтий Махера склонен и в моральном плане оправдывать поведение кипрского короля. Он заявляет, что король Петр I очень сильно любил свою супругу, хотя и имел двух любовниц, с одной из которых находился как раз в тот момент, когда заговорщики пробрались к нему в спальню. Понимая, что моральный облик короля довольно противоречив, хронист объясняет это тем, что он был весьма чувствителен и в то же время оставался молодым человеком³⁵.

Такое отношение к королю и королевской власти не случайно и легко объясняется тем, что семья Махеры была обязана своим благополучием династии Лузиньянов. Ее члены получали содержание прежде всего от короля, от него зависело их продвижение по общественной лестнице. Очевидно, они не располагали значительным имуществом и рассчитывали главным образом на жалованье, получаемое при дворе. Своих братьев Петра и Павла хронист так и называет «королевскими служащими». На него сильное впечатление производило повышение жалованья различным королевским служащим (одному из аристократов были даны 1200 номисм ежегодно, Дмитрию Даниэлю — секретарю королевы Элеоноры, годичное жалованье было повышено на 100 номисм и т. п.)³⁶.

Люди из рода Махеры выдвигались как служащие при королевском дворе. Не имея огромных имений и привилегий латинских аристократов, а также высоких должностей и титулов, они были необходимы и полезны королю и его двору. Их опыт и знания пригодились и некоторым высшим сановникам, являвшимся в то же время и крупными феодальными собственниками.

Положение, которое занимали королевские служащие, секретари и т. п. при дворе, позволяло им чувствовать себя частью господствующего класса, высшего сословия в королевстве. Вместе с тем Леонтий Махера относился к аристократии, за редкими исключениями, сдержанно или даже враждебно. Это объясняется второстепенной ролью, которую играла местная греческая аристократия в том латинском феодальном государстве, каким являлось Кипрское королевство. Греки, естественно, завидовали латинским аристократам, которые занимали господствующее положение, владели огромными землями и богатствами. К этому у Леонтия Махеры примешивалось еще недовольство политикой латинской аристократии, которая принесла страдания народу Кипра. Как бы ни было притушено его национальное сознание (поскольку он находился под французским влиянием), у него звучат явные патриотические нотки. Для него латинские аристократы являются не только завоевателями, которые ущемили права и привилегии греческой аристократии, а и носителями национального и религиозного гнета. Глубоко православного человека, сына священника, Леонтия Махеру раздражало то, что католики-латиняне пытались навязать догматы папства религиозной совести киприотов.

Все это объясняет отношение Леонтия Махеры к латинской аристократии. Он не упускает случая отметить ее алчность, постоянное стремление приобретать новые села, имения и рабов, получать новые доходы, захватывать добычу. В хронике очень часто подчеркивается нравственный упадок латинских аристократов, их преступное влечение к мальчикам.

Леонтий Махера клеймит поведение части латинских аристократов во время нападения генуэзцев на Фамагусту. Фактически некоторые аристократы просто предали этот важнейший город: «И ворота оказались открытыми. Сразу же замок наполнился генуэзцами. Когда аристократы

³⁵ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 22.7—15.

³⁶ *Ibid.*, p. 602.24—604.6; 446.16—19, 498.4—6.

услышали шум, они оставили крепость и вылезли наружу, и крепость оказалась в руках у генуэзцев. И это было добрым делом, которое аристократы совершили на Кипре»³⁷.

Фамагуста была взята генуэзцами по вине аристократов — из-за их алчности, тайной зависти, их порочности³⁸.

В своем стремлении к увеличению имений и доходов аристократы не останавливались перед насилием и преступлением. В хронике много говорится об их жадности, приводившей к кровопролитию. Таков, например, эпизод с Тибальдом Белфаражем, туркопулиером Кипра. Прежде чем стать латинским аристократом, он был кипрским гражданином. За заслуги перед королевством (он привел 800 наемников для борьбы с генуэзцами, сумел разбить последних и захватить два их корабля) Тибальд получил несколько имений и должность туркопулиера Кипра — начальника войска. Помимо этого, он попросил короля уступить ему имение Элиа и крепость Горигос. Петр II согласился подарить ему это имение, а относительно крепости пребывал в нерешительности. Он посоветовался со своим учителем и советником — священником Филиппом (родственником Леонтия Махеры — Филипп был сыном гречанки, монахини, двоюродной сестры Ставриноса Махеры). Филипп, подученный другими аристократами, которые завидовали Тибальду, дал королю совет, что нецелесообразно уступать эту важную крепость, «правое око твоего королевства», ибо, как начальник войска, тот мог использовать ее против короля и отнять у него власть.

Желание туркопулиера владеть этой крепостью возросло еще больше после того, как он узнал, что пошлина, которая ежегодно отсюда поступала, доходила до 3—4 тыс. дукатов. И он снова попросил у короля крепость Горигос, но тот не хотел уступить ее еще и по другим соображениям. Тибальд мог заставить венецианцев посылать корабли в Горигос, а арабов привозить туда свои товары и тогда Горигос стал бы конкурирующим портом, как Фамагуста, находившаяся в руках генуэзцев. Поэтому король решительно отказал Тибальду.

Узнав, что священник Филипп ему противодействовал, Тибальд решил его устранить. Вместе с критянином Алексоулосом, опытным воином, и еще двумя франками он устроил засаду. Латинского священника провожал виконт Бартеlemi Машо. Оба подверглись нападению и были убиты Тибальдом и его людьми (1376 г.) Король Петр II не знал, как поступить, — ведь приходилось считаться с прежними заслугами Тибальда. Однако по совету своей матери, королевы Элеоноры, чтобы внушить страх аристократам и не повторить судьбы своего отца, который стал жертвой феодального заговора, он осудил Тибальда (который, помимо того, был обвинен в убийстве почти 100 чел.)³⁹ и его сообщников на жестокую смерть.

В хронике отмечается, что, кроме всего прочего, Тибальда постигла такая судьба и потому, что он оставил православную веру своих отцов и стал католиком (ἐγκατέλειπεν τὴν πατριχὴν τοῦ πίστειν (τὸ Ῥωμαϊκόν) καὶ ἐρίνην λατρίως)⁴⁰.

Случай с Тибальдом не был единичным. Борьба аристократов за феодальные владения, их просьбы к королю о предоставлении им новых привилегий были обычным явлением.

³⁷ Ibid., p. 390.10—394.14.

³⁸ Ibid., p. 402.3—12; ср. также: П. Тисчев. Известия в хрониката на Леонтий Махера за българи роби на остров Кипър през втората половина на XIV в. — «Военно-исторически сборник», 1966, кн. 5-6, стр. 51—52.

³⁹ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 560. 27—576.5; ср. R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle..., p. 19—20.

⁴⁰ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 576.17—18; ср. R. M. Dawkins. The Nature of the Cypriot Chronicle..., p. 20 (автор считает, что здесь Леонтий Махера проявил религиозный фанатизм).

Алчность аристократов проявилась и при защите от генуэзцев Кирении. По приказу конетабля Жака Лузиньяна необходимо было доставить в эту жизненно важную для государства крепость продовольствие, которого хватило бы для ее гарнизона на год. Однако припасов не заготовили даже на шесть месяцев. Монтолиф де Верни, который отвечал за эти заготовки, нажил, как сообщает Леонтий Махера, 500 номисм⁴¹. Когда генуэзские войска блокировали крепость, нужда в продовольствии стала ощущаться еще острее, что заставило киприотов начать переговоры о мире.

По-разному относился Леонтий Махера к высшему духовенству и церкви. Как горячий приверженец православия, он относился с симпатией к греческому духовенству. То обстоятельство, что оно оказалось в неравноправном положении, естественно, вызывало еще большее сочувствие Махеры. С утверждением латинян на Кипре католическая церковь завоевала сильные позиции в королевстве. В соответствии с желанием кипрского короля папа посылал в королевство епископов — при условии, что латинские священники будут хорошо обеспечены и получают соответствующие поместья. И они действительно получили земли с сидящим на них зависимым населением. Латинское духовенство собирало, кроме того, церковную десятину.

Кипрские короли и аристократы построили много церквей и монастырей. Были составлены и ассизы, т. е. юридически утверждены феодальные взаимоотношения между латинской церковью и сельским населением. Все это, естественно, ущемляло интересы греческих священников. Под давлением папского духовенства король отнял имущество у греческих епископов («Те села, которые имели ромейские епископы, были отданы латинским»), — пишет Леонтий Махера)⁴². Правда, узнав об их стесненном положении и о том, что они не имели церковной десятины, ромейский император предоставил им села и другие доходы. Но и они были отняты у епископов и подарены рыцарям⁴³. Хронист приводит имена 14 греческих архиепископов и епископов на Кипре. С гордостью говорит он о многих православных кипрских святых, об их чудесах, мощах и т. п. Помимо перечисленных, добавляет автор, имелись и другие, не упомянутые, «к которым мы обращаемся с просьбой заступиться перед богом за спасение этого острова от безбожных агарян»⁴⁴. Хронист описывает ряд чудес, которые якобы были совершены православными святыми, и замечает, что латинские священники из зависти утверждали, что никаких чудес не существовало, а все это греки делали благодаря магии⁴⁵. «И поскольку латиняне ненавидят ромеев, — сказано в другом месте, — они скрывают чудеса, которые происходят от икон и от частей священного древа в греческих церквях, не от неверия, а из-за зависти. Поэтому латинские священники говорили, что крест не является честным деревом, а что чудеса совершали преднамеренно»⁴⁶.

По той же причине латинский священник Жан Сантамарин похитил чудотворный крест из Тогни в 1318 г.⁴⁷

Опять-таки из зависти латинский епископ пошел к королю и сказал ему, что греческие священники обманывают народ и заражают его ересью⁴⁸.

Леонтий Махера выражает недовольство действиями латинского духовенства. Так, он сообщает, что в декабре 1359 г. на Кипр приехал папский

⁴¹ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 524.4—19.

⁴² *Ibid.*, p. 26. 1—31.

⁴³ *Ibid.*, p. 26.31—28.4.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 28.5—32.9.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 60.31—62.5.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 66.5—10.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 62.7—24.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 66.11—68.26.

легат Пьетро ди Томмазо из ордена кармелитов. Он прибыл в Левкозию и был принят с большими почестями. Легат намеревался обратить греков в католичество и сразу же приступил к конфирмации. В храме св. Софии в Левкозии собрались епископы и игумены. Насильственным образом, при запертых на засов церковных дверях была совершена конфирмация одного православного священника. Среди жителей города началось волнение. Народ собрался около церкви, и одни стали выламывать двери бревном, другие разожгли у дверей огонь, чтобы их сжечь.

Этот инцидент способствовал тому, что взаимная религиозная ненависть между греками и латинянами разгорелась с новой силой, и лишь вмешательство короля ликвидировало конфликт. Король распорядился, чтобы православные епископы и священники вели службу в церквях по своему обычаю, а папский легат покинул остров. Те греки, которые были обращены в католичество, отказались от конфирмации и снова стали православными ⁴⁹.

Король Петр I отправил трех посланников, которые должны были сообщить папе о смерти прежнего короля, уведомить его о предстоящей коронации и, кроме того, сказать ему, чтобы он не посылал больше легатов на Кипр, дабы не вызывать распри между греками и латинянами ⁵⁰.

Грубые действия папского духовенства вызывали отпор у кипрских греков. Леонтий Махера не скрывает своего отрицательного отношения к латинской церкви. Глубоко религиозный человек, он повсюду в хронике защищает православную церковь, канонизированных ею святых. Для него дороги традиции православия, и он остро реагирует на всякое оскорбление религиозных чувств греческого населения.

Заслуживает внимания и отношение Леонтия Махеры к богатым людям и богатству. С патриотической гордостью сообщает он, что Кипр очень богатый остров, что многие его жители состоятельны. Причину этого он видел прежде всего в том, что Кипр играл исключительно важную роль в торговле между Востоком и Западом. Киприоты, особенно жители Фамагусты, разбогатели на транзитной торговле. Христианские корабли, прибывшие с Запада, не торговали в другом месте, кроме Кипра. Купцы останавливались на Кипре и совершали свои сделки, потому что здесь они находились под защитой папы. Таким образом, «жившие на морской скале несчастные киприоты, по одну сторону которых находились арабы, а по другую — турки, имели прибыль» ⁵¹. Особенный доход приносила Фамагусте торговля высоко ценившимися в средневековье восточными пряностями (σπέτζιες). Поскольку Сирия находится близко от Фамагусты, говорится в хронике, жители ее отправляли туда свои суда с товарами. Когда прибывали корабли из Венеции, Генуи, Флоренции, Пизы, Каталонии и со всего Запада, они всегда находили пряности и, если имели в них нужду, грузили их и уезжали обратно. Благодаря этому жители Фамагусты были богаты и другие завидовали им из-за того, что они жили в столь выгодном месте ⁵².

Самыми богатыми были братья Франциск и Николай Лака Несториани. Леонтий Махера заявляет, что он даже не в состоянии описать их богатств. Однажды Франциск пригласил короля Петра I и других аристократов на пир, чтобы показать им часть своих сокровищ. После трапезы он привел их в помещение, где хранил сокровища, и продемонстрировал огромное количество жемчуга, драгоценных камней, золотых и серебряных монет, насыпанных в углах комнаты, как зерно (σιτῆριον). При зажженном свете

⁴⁹ Ibid., p. 88.38—90.26.

⁵⁰ Ibid., p. 90.27—34.

⁵¹ Ibid., p. 80.13—82.2.

⁵² Ibid., p. 80.29—82.1. О роли Кипра в торговле между западными странами и Левантом см. W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au Moyen - Age, II. Leipzig, 1936, p. 3—23.

эти кучи благородного металла выглядели, как горящие угли. Леонтий Махера (может быть, несколько преувеличивая) замечает, что каждый из жадных аристократов протянул руку и взял то, что ему понравилось. Тем не менее это даже не было заметно — так много там было сокровищ⁵³.

В хронике приводятся еще два курьезных случая. Однажды Франциск Лака, с которым король побратался, отправил в дар Петру I 10 тыс. дукатов и сообщил: «Вчера я совершил одну сделку и заработал на этом 30 тыс. дукатов. Посылаем эту твоему величеству — и не обижайся»⁵⁴.

В другой раз, в 1359 г., один пират, каталанец по происхождению, прибыл со своим кораблем в гавань Фамагусты. Он привез с собой очень красивый перстень с крупным драгоценным камнем, который хотел продать. Не найдя покупателя, он начал поносить Кипр. Об этом сообщили Франциску Лаке. Тот явился на корабль и заявил пирату, что он, дескать, один из самых бедных киприотов и пришел купить перстень. Договорились о цене перстня — 4 тыс. дукатов. В качестве залога Франциск Лака оставил четыре перстня, которые носил на руках. В хронике обстоятельно рассказывается, как торговец насмеялся над пиратом, как показал ему свои сокровища (золото, серебро и пряности) и спрашивал, что он хочет получить в уплату за свой драгоценный перстень. Каталанец, чтобы поставить торговца в затруднительное положение, сказал, что продает и свой корабль вместе с перстнем — за 6 тыс. дукатов. Не сумев справиться с Лаком, который над ним надсмехался, каталанец уехал восвояси. На прощанье Франциск Лака предупредил его, чтобы впредь он не говорил плохих вещей о Кипре. Узнав об этой истории с пиратом, король и его приближенные очень веселились⁵⁵.

Всей этой историей, которая звучит анекдотически, Леонтий Махера хотел показать богатство и силу кипрских торговцев и в то же время подчеркнуть величие Кипра, его экономическую мощь.

Однако торговое значение острова и, особенно, его главного порта уменьшилось после войны 1373—1374 гг. с Генуей, когда Фамагуста была оккупирована. «Все эти блага были утеряны и перешли к Сирии, после того как был коронован сын короля Петра — Петр II, из-за распри, которая произошла с генуэзцами»⁵⁶.

Сын своего времени, Леонтий Махера испытывает особенное почтение к знатым и богатым людям. В его хронике постоянно встречается характеристика: «был богатый» (*πλούσιος ἦτον*), «был очень богатый» (*καὶ πλούσιος πολλὰ, ἦτον πολλὰ πλούσιος*)⁵⁷.

Педантично приводит хронист имена аристократов, которые присутствовали на той или иной торжественной церемонии или принимали участие в каком-нибудь дворцовом либо военном событии. Напротив, к народным массам он относится с присущим аристократии высокомерием. Описывая подготовку кипрского флота к походу против каирского султана в 1367 г., Леонтий Махера обстоятельно перечисляет, какие корабли в него входили (кипрские, родосские), кто ими командовал, сообщает имена и титулы аристократов, участвовавших в походе. А в самом конце длинного списка имен и титулов указывается, что на кораблях были еще капитаны низкого происхождения, которые здесь не названы⁵⁸.

Комментарии излишни. Внимания заслуживают, согласно хронисту, только лица знатного происхождения и высокого положения.

Рядовых киприотов хронист характеризует как «глупый народ», «глупый и пьяный народ»⁵⁹ и т. п.

⁵³ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 82.3—29.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 84.3—7.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 84.8—86.16.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 80.30—82.2.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 550.25—27, p. 560.27—29. 638.24—29.

⁵⁸ *Ibid.*, p. 168.25—170.27.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 314, 26—28, 628.24 etc.

Тем не менее в хронике немало сведений о положении народа, о высоких налогах, от которых больше всего страдали рядовые подданные королевства ⁶⁰.

Особенно усилилось налоговое бремя после неудачной войны 1373—1374 гг. Генуэзские войска несколько раз подвергали остров разграблению, а кроме того, оккупировали Фамагусту и наложили огромную военную контрибуцию в 900 тыс. дукатов ⁶¹. Доходы королевства в результате потери Фамагусты существенно сократились. Чтобы хоть как-то компенсировать потерю этого города, кипрские короли стали давать привилегии иностранным торговцам, чтобы привлечь их в Кирению. В частности, они освобождались от коммеркия, если их корабли бросали якорь в Кирении ⁶².

В правление Жака I Лузиньяна фискальный гнет стал невыносимым. Чтобы освободиться из генуэзского плена и занять освободившийся кипрский престол, Жак Лузиньян заключил с генуэзцами соглашение на исключительно невыгодных для Кипра условиях. Он был должен заплатить большой выкуп и за своего сына Януса, которого генуэзцы освободили через несколько лет после того, как Жак Лузиньян стал королем Кипра.

Жак Лузиньян, чтобы привлечь на свою сторону аристократов, не скупился на обещания и, вступив на престол, щедро раздавал титулы и феоды ⁶³. Кроме того, он обещал вернуть поместья тем аристократам, которые участвовали в заговоре против короля Петра I и чьи имения были отняты Петром II ⁶⁴.

Бремя расходов, связанных с внешней политикой, раздачей привилегий и поместий, широким строительством, легло на народ. Аристократия отнюдь не собиралась изменять свой образ жизни. Поэтому расплачиваться пришлось широким слоям кипрского населения.

В хронике содержатся сведения о тяжелом положении рядовых киприотов, страдавших от высоких налогов и повинностей. Но причину всех бед Леонтий Махера видит прежде всего в генуэзцах, с которыми пришлось воевать Кипру. Он даже готов оправдать мятежи и недовольство народа против генуэзцев. Жители Левкозии, например, подняли бунт против налога, собиравшегося для уплаты генуэзцам контрибуции в 1 млн. дукатов. Народ во время этого бунта нес королевское знамя ⁶⁵.

Совсем иначе относится Леонтий Махера к движениям, носившим антифеодалный характер, к восстаниям париков против аристократии. Он осуждает любое проявление недовольства со стороны кипрских крестьян, понимая, что попытки крестьянства уничтожить феодальный гнет и чужеземное латинское господство угрожали интересам и греческих кипрских феодалов.

Автор хроники, рассказывая о восставших, изображает их грабителями и называет «проклятыми крестьянами», которые совершили так много зла, что даже бог не мог этого стерпеть ⁶⁶.

В своей хронике Леонтий Махера подробно говорит о восстании 1426—1427 гг. и о других крестьянских восстаниях на Кипре ⁶⁷.

⁶⁰ *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 590.25—30, p. 620.6—19 etc.

⁶¹ *Ibid.*, p. 518. 15—520.13.

⁶² *Ibid.*, p. 584.29—34.

⁶³ *Ibid.*, p. 598.26—34, 608.16—610.7.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 608.28—31.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 376.1—380. 6; ср. *П. Тивчев*. Известията в хрониката на Леонтий Махера..., стр. 45.

⁶⁶ См. *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 672. 12—676.27. О восстании 1426—1427 гг. ср. напр. *П. Тивчев*. Страници от социалната история на Кипър през XIV—XV в., стр. 22—42.

⁶⁷ См. *L. Makhairas*. Op. cit., I, p. 428.36—430.2. Ср. *П. Тивчев*. Известията в хрониката на Леонтий Махера..., стр. 47; *его же*. Страници от социалната история на Кипър, стр. 33—34.

Встречаются в хронике и упоминания о рабах. На Кипре они были преимущественно восточного происхождения. Их численность возросла, после того как османские турки начали опустошать Византию и другие балканские страны. По словам Леонтия Махеры, оттуда доставили много рабов. Автор отмечает, что их положение было исключительно тяжелым, поскольку они выполняли самую черную и тяжелую работу. «И если хочешь узнать, как была захвачена Фамагуста, — то это из-за грехов наших; и не только Фамагусту, но было бы справедливо, если бы генуэзцы захватили весь Кипр из-за многих грехов наших. И я скажу вам определенно, что первым из всех был грех по отношению к рабам. Когда Византия была опустошена и рабы и пленные доставлены на остров, их господа сделались настолько жестокими к ним, что вешали их в домах и убивали, а других бросали в пропасти. Помимо страшных мучений, от которых они погибали, они умирали еще от голода. Аристократы предали своего господина, своего короля, смерти. Они предали и такого же, как они, сира Жана Висконти королю, и тот его убил. И отошли от бога, который сказал: раб должен тебе служить 6 лет, а на седьмой освободи его... И совершили много зла, и поэтому случилось такое...»⁶⁸

Хронист искренне возмущается бесчеловечным отношением латинских аристократов к рабам. Но он не против института рабства вообще. Он радуется за более человеческое к ним отношение сообразно с требованиями христианской морали и нормами христианской церкви.

Но упоминание о жестокостях по отношению к рабам — только повод к тому, чтобы дать отрицательную характеристику западным рыцарям (*καβαλλάριδες*) и латинской аристократии, которая утопала в роскоши, а на рабов смотрела чуть ли не как на животных.

Известная симпатия и терпимость хрониста к рабам может объясняться тем, что многие из них находились на стороне киприотов и сражались за свободу острова. Особенно проявили себя рабы-болгары. Насколько смелыми защитниками острова они были, видно, в частности, из того, что, лишь узнав об уничтожении болгар в крепости Агиос Иларийон антиохийским принцем Жуаном Лузиньяном, генуэзцы стали надеяться, что им удастся завладеть крепостью Киренией и всем островом⁶⁹. Очевидно, болгары служили серьезной помехой в осуществлении завоевательных планов Генуэзской республики по отношению к Кипру в 1373—1374 гг.

Во всяком случае, для Леонтия Махеры было нормальным явлением, что даже церкви и монастыри могли иметь рабов, киприоты — продавать многочисленных невольников — арабов и турок — в рабство, осуществлять насильственное крещение⁷⁰ и т. п. *Окончание следует.*

⁶⁸ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 464.19—466.10; ср. P. Tivchev. The War between Cyprus and Genoa in 1373—1374 and the Participation of Bulgarians in it. — «Etudes historiques», t. III. Sofia, 1966, p. 136—137; П. Тивчев. Известията в хрониката на Леонтий Махера..., стр. 51—53.

⁶⁹ J. Makhairas. Op. cit., I, p. 552, 25—32, n. 11. Об участии болгар-рабов в войне против Генуи ср. P. Tivchev. The War..., p. 125—144.

⁷⁰ L. Makhairas. Op. cit., I, p. 162, 29—164. 14, 174.9—12, 622.7—12. 656.10—29 etc.